

Особый интерес у широкого круга читателей, полагаю, вызвали воспоминания о выдающемся психологе людей, близко знавших его. Раскрывая сугубо личные впечатления и суждения о своем учителе и наставнике, они рисуют образ обаятельного, интеллигентного, в высшей степени доброжелательного человека, с большим тактом и вниманием относившегося к «своим» и «чужим» молодым дебютирующим психологам. Отдельно хочется выделить статью А. И. Розова. В ней рассказ о личных отношениях осуществляется в русле описания некоторых моментов социально-политических условий той поры. Мы чувствуем тревожную, драматическую атмосферу событий в стране на рубеже сороковых и пятидесятих годов, влиявших на творческую и жизненную судьбу ученого.

К сожалению, в сборнике сохраняется традиционный взгляд на труды С. Л. Рубинштейна. Часто оценка его идей основывается на еще до конца не преодоленном, официально-идеологизированном подходе. Думается, сегодня, в условиях признания плюрализма мнений, теоретические установки и воззрения Рубинштейна и его школы можно рассматривать не только в плане их противопоставления зарубежным научным направлениям. Достойное место можно было отвести анализу его концепции в соотношении с психоанализом и когнитивной психологией, социометрией и ценностными аксиологическими идеями.

Используемая сегодня система психологических категорий нуждается в очень серьезном теоретическом переосмыслении. Иначе она не может отразить реальную действительность и стать руководством в практических делах. Да и сама устоявшаяся трактовка некоторых частных вопросов психологии, употребление старой научной терминологии требуют в нынешних условиях более взвешенного, дифференцированного отношения. Скажем, вполне оправданная и все еще актуальная критическая трактовка «поведения» в качестве основополагающего понятия бихевиористской системы взглядов (там же, с. 31) сегодня, несомненно, требует нового прочтения. Длительное игнорирование анализа сущности поведения под данным углом зрения с полным основанием должно быть признано большой ошибкой. Ее, подобно другим, необходимо в срочном порядке исправлять.

Высказанные здесь критические замечания не умаляют научно-познавательной ценности изданного сборника. Просто хотелось подчеркнуть, что данная тема не может быть исчерпана до конца. И думается, многолетний, плодотворный, самоотверженный труд Рубинштейна заслуживает новых прочтений и переосмысления.

ЛИТЕРАТУРА

Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки, воспоминания, материалы. М., 1989.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ С. Л. РУБИНШТЕЙНА В ЗАПАДНЫХ СТРАНАХ

Х. М. Тутунджян

Для большинства западных психологов советская психология – это только наименование, нейтральная зона, неизвестная область знания. Для некоторых из них это всего лишь великое прошлое, связанное с именами И. М. Сеченова, И. П. Павлова и И. М. Бехтерева. Для других она ограничена культурно-исторической школой Л. С. Выготского и трудами его последователей А. Р. Лурии и А. Н. Леонтьева. И даже в конце XX столетия советская психология после более чем семи десятилетий не известна и изучается как психологическое направление и движение с собственной теорией и практикой. Я склоняюсь к осуждению того, что в Западной Европе, и особенно по ту сторону океана, игнорирование европейской психологии и, прежде всего – советской психологии, – не только общая традиция, но также добровольное незнание и периферийное суждение, которое мы наблюдаем даже в книгах психологической историографии и фундаментальных трудах и руководствах по экспериментальной психологии.

Психологическая наука – это не продукт отдельного государства, Европы или Америки, но генерализированный, синтетический результат исторического развития большинства государств и поколений психологов.

В Советском Союзе была целая плеяда ученых, которые создали оригинальную теорию и практику психологии. Среди этих психологов должен быть отмечен Сергей Леонидович Рубинштейн (1889–1960), один из основателей советской психологии. С. Л. Рубинштейн известен на Западе как один из первых лидеров психологии в нашей стране, лидер философского склада ума с огромным знанием не только русской, но также европейской и американской психологии. Он был в то же время философом, подобно У. Джеймсу и Дж. Дьюи, П. Жане и Ж. Пиаже, Ф. Брентано и Х. Хофдинггу, однако в отличие от них он был творческим философом и психологом.

Американский историк психологии Б. Б. Вольман пишет: «Одним из выдающихся теоретиков, кто попытался комбинировать павловское учение и марксизм с эмпирическими исследованиями в психологии, был С. Л. Рубинштейн. Рубинштейн, несомненно, самый самостоятельный и оригинальный среди советских психологов и на время был самым признанным» (Wolman, 1981, p. 70).

Первой монографией по С. Л. Рубинштейну и философским проблемам советской психологии является книга американского психолога Т. Р. Пейна «С. Л. Рубинштейн и философские основания советской психологии». Автор представляет философские предпосылки и историческую эволюцию, и становящиеся фундаментальные принципы психологии в Советском Союзе в начале 1930-х годов. Он анализирует в деталях и оценивает программную статью С. Л. Рубинштейна «Проблемы психологии в работах К. Маркса» (1934).

В книгах по истории психологии подчас мы не находим даже имени С. Л. Рубинштейна. Мы видим его имя и анализ его наследия только в научно документированных и многосторонних работах. Мне хотелось бы назвать некоторые примеры подобных исследований. Американский психолог, философ и историк психологии американского происхождения В. С. Саакян в своей монографии «История и системы психологии» (Sahakian, 1975) посвятил полностью три страницы жизни и анализу работ Рубинштейна, – факт, который относительно приемлем в работах американских психологов до 1970-х годов. После характеристики С. Л. Рубинштейна как одного из передовых представителей советской психологии, В. С. Саакян формулирует основные принципы психологической теории Рубинштейна, представленные им в 1939 и 1940 годах: принципы психического развития, психофизиологического единства, историчности и единства теории и практики (Саакян, 1975, с. 406). Саакян пишет об этих четырех принципах подобно Т. Пейну, однако в то же время он продолжает мысль и подчеркивает, что все они являются «выражением одного основного принципа единства сознания и поведения» (там же). Термин «поведение» неадекватен, так как С. Л. Рубинштейн в своей статье, озаглавленной «Советская психология во время войны» (1943), и даже до этого, в 1934 году, в своей классической статье «Проблемы психологии в работах К. Маркса», формулирует принципы деятельности (не поведения) и единства сознания и деятельности.

В. С. Саакян выбрал правильную позицию в интерпретации установки С. Л. Рубинштейна по отношению к механистическому бихевиоризму в целом и, в частности, по отношению к рефлексологии В. М. Бехтерева и реактологии К. Н. Корнилова, которые критиковались автором «Основ общей психологии» (1940).

В. С. Саакян обстоятельно представил борьбу С. Л. Рубинштейна за творческую разработку марксистской психологии, оперируя теоретическими и экспериментальными исследованиями сознания, вос-

приятия и личности и также их психологического субстрата в свете павловского учения и других материалистических теорий. В то же время он корректно описал философскую платформу С. Л. Рубинштейна как материалистический монизм...

Мы не нашли аргументов в пользу того, чтобы сказать, что философская позиция С. Л. Рубинштейна хорошо понята американским историком психологии Л. Зусном в его книге «Имена в истории психологии». Он пишет: «Рубинштейн предложил синтез между дуализмом, представленным в психологии интроспективным подходом к психике, и монизмом, представленным бихевиоризмом» (Zusne, 1975, p. 375). Это заявление абсолютно неверно, потому что в течение и после Павловской сессии 1950 года С. Л. Рубинштейн никогда не пробовал подобный синтез, потому что он был яростным картезианцем и сторонником других видов дуализма во всех психологических и философских проблемах, детально разработанных им.

Подразумевая это непонимание, в то же время мы должны отметить, что Л. Зусн объективно оценивает другие аспекты психологической теории С. Л. Рубинштейна, когда пишет, что «ленинская доктрина отражения была применена Рубинштейном в отношении павловского видения рефлексов посредством добавления понятия „преломление“ (refraction): не только создается органическое вещество внешнего мира, но и его собственная природа, оно подвергает изменению или преломляет воздействие внешнего мира» (там же). Мы должны добавить, что только несколько авторов в западных странах уделяют внимание понятию «преломление».

Одной из самых ценных монографий, посвященных специально советской психологии, является «Советская психология мышления» (Sowjetische Psychologie des Denkens), опубликованная в Геттингене, В. Маттеуса. Психология мышления – один из самых разработанных разделов советской психологии, происхождение которого мы находим в работе Л. С. Выготского и П. П. Блонского. Мы с уверенностью можем отметить, что в своей книге В. Маттеус очень глубоко и многосторонне проанализировал и объективно оценил советские взгляды на психологию мышления. В его монографии особое место занимают экспериментальные и теоретические исследования С. Л. Рубинштейна и его последователей (А. В. Брушлинского, Е. В. Шороховой, К. А. Абульхановой-Славской, А. М. Матюшкина) и почти все выдающиеся работы по различным аспектам психологии мышления.

Это очень ценное и объемное (892 страницы) исследование В. Маттеуса является продуктом не «сухого» описания и спекулятивной оценки представленных работ по мышлению, а суммой следствий сопоставительного и критического подхода к проблеме, оказывающей влияние на историю и современное состояние классических, фундаментальных исследований мышления. По своему характеру это не только психологическое, но также философски ориентированное исследование. По-

добная книга по советской психологии мышления не написана даже в нашей стране.

С. Л. Рубинштейн в своих работах уделял особое значение изучению мышления, его происхождения и природы, детерминации мотивов, обобщения и абстракции; методов изучения мышления как психического процесса и в целом психологического механизма решения проблем.

В. Маттеус детально и объективно не только описал концепцию мышления С. Л. Рубинштейна, его подход к различным теориям мышления, но также то, как посредством процесса анализа через синтез он охватил все компоненты содержания мышления, и диалектическое функционирование процесса в решении проблем. Его интерпретация мышления как процесса, который имеет свои начало, развитие и конец, отражено в принципах единства сознания и деятельности, объекта и субъекта, взаимосвязи между внешними и внутренними условиями, разработанных в различные периоды психологической и философской деятельности.

В заключении мы можем подчеркнуть, что психологическое и философское наследие С. Л. Рубинштейна хорошо известно и признано профессионалами на Западе, в особенности в США, Западной Германии и Франции. Однако так как его научные работы не переведены на западные языки (за исключением немецкого), многие аспекты его психологических теорий недоступны для большинства западных психологов. Этот языковой барьер, я полагаю, должен быть преодолен в ближайшем будущем.

ЛИТЕРАТУРА

- Matthaus W.* Sowjetische Psychologie des Denkens. Frankfurt, 1988.
Sahakian W. S. History and systems of psychology. N. Y.: Wiley, 1975.
Wolman W. W. Contemporary theories and systems in psychology. N. Y.–London: Plenum, 1981.
Zusne L. Names in the history of psychology: A biographical sourcebook. N. Y., 1975.

ПРОБЛЕМА СОЗНАНИЯ В ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ С. Л. РУБИНШТЕЙНА И А. ВАЛЛОНА

М. Д. Няголова

В истории создания книги «Человек и мир» Рубинштейн пишет: «У каждого человека свой Пантеон. В моем: Спиноза и Маркс, Рембрандт и Бетховен» (Сергей Леонидович Рубинштейн..., 1989, с. 420). Эту фразу можно считать личностным и философским кредо выдающегося российского ученого, внесшего огромный вклад в российскую и мировую науку. Многое сделано им в области философии, этики, социологии, логики, но объектом самого большого интереса и изучения остается его психологическая концепция. Недаром, именно С. Л. Рубинштейн является первым среди российских психологов советского периода, который разработал категориальную систему психологии. При изучении его теоретического наследия в области психологии первостепенное значение приобретает выдвинутая им концепция сознания. Категория сознания имеет значение методологического компаса для понимания всей рубинштейновской психологической теории.

Для Рубинштейна речь шла не просто о том, чтобы на основе игнорирования сознания в психологии преодолеть кризис этой науки, а скорее всего – найти место сознанию в его отношениях к психике и тем самым преодолеть этот кризис.

В своих произведениях Рубинштейн относится критически к тем современным ему авторам, которые считают, что сознание не является выражением психической реальности. В связи с этим он уделяет большое внимание взглядам Анри Валлона на содержание понятия сознания. В работе «Проблема индивидуального и общественного в сознании человека» Рубинштейн, с одной стороны, соглашается с Валлоном в том, что «область психологии не отождествляется с сознанием», но, с другой, считает, что «элиминация сознания включает все то, что имеет социальное происхождение в содержании психики» (Рубинштейн, 1959, с. 322). Анри Валлон тоже разделял этот взгляд, несмотря на то что он не был знаком с трудами выдающегося российского ученого. В статье «Психологическое и социологическое изучение ребенка» (1947) он подробно анализирует эволюцию взглядов на сознание, идущую от Э. Дюркгейма, называя его «социологом-абсолютистом» за то, что «для последнего